

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ПОСТЧЕЛОВЕКА

В настоящее время проблема постчеловека привлекает внимание широкого круга представителей научного сообщества в силу предельной важности самого вопроса о будущем человечества, получающего весь спектр критических мнений: от восторженно-оптимистических оценок до апокалиптических диагнозов. Такой обширный диапазон мнений объясняется противоречивостью основных тезисов концепции постчеловека, которая сформировалась в рамках теории трансгуманизма. В статье дается интерпретация процесса формирования контуров новой онтологии человека, вызывающей жаркие дискуссии. При внимательном анализе видно, что в базе аргументов трансгуманистской концепции превалирует позитивистский подход, который характеризуется обилием утилитарных, биотехнологических и прочих трактовок грядущего трансчеловека, постчеловека, и в то же время экзистенциальная сущность бытийствующего человека не попадает или сознательно не помещается в концептуальное поле.

Ключевые слова: трансгуманизм, постгуманизм, экзистенция, постчеловек, трансчеловек, люден, метагом, когнитивность, психоинжиниринг.

EXISTENTIAL ASPECTS OF THE POSTHUMAN CONCEPT

At present, the problem of the posthuman attracts the attention of a wide circle of representatives of the scientific community due to the extreme importance of the very question of the future of mankind, which receives the whole spectrum of critical opinions: from enthusiastic optimistic assessments to apocalyptic diagnoses. Such a wide range of opinions is explained by the inconsistency of the main theses of the concept of posthuman, which was formed in the framework of the theory of transhumanism. The article gives an interpretation of the process of forming the contours of a new human ontology, causing heated debate. A careful analysis shows that the positivist approach prevails in the basis of the arguments of the transhumanist concept, which is characterized by an abundance of utilitarian, biotechnological and other interpretations of the upcoming transhuman, posthuman, and at the same time, the existential essence of an existing person does not fall into or is not consciously placed in the conceptual field.

Keywords: transhumanism, posthumanism, existence, posthuman, transhuman, luden, meta-homo, cognition, psychoengineering.

Само понятие «трансгуманизм» предложил английский эволюционный биолог, один из основателей и первый генеральный директор ЮНЕСКО Джулиан Хаксли (1887–1975), родной брат известного писателя Олдоса Хаксли, в сборнике эссе «Новые бутылки для нового вина» в 1957 г. [1, р. 13–17]. Впрочем, впервые Джулиан Хаксли упомянул этот термин ещё в 1927 г. в работе «Религия, которую нельзя разоблачить», в которой высказал надежду на то, что трансгуманизм поможет человеку остаться человеком и, преодолевая себя, реализовать новые возможности для его человеческой природы [2]. Хаксли, считавший, что только человек наделен исключительным правом определять направление эволюции планеты в будущем, провозгласил «веру в трансгуманизм», которая проявится, как только человеческий род окажется на пороге нового вида существования и «сознательно исполнит своё истинное предназначение» [1, р. 17]. Хаксли видел это как реальное конструирование подлинной судьбы человека, способного в будущем раздвигать собственные границы бытия, продвигаясь от трансчеловека к постчеловеку.

Современные трансгуманисты развили тезис Хаксли и предложили рассматривать трансгуманизм как процесс, направленный на преодоление самой человеческой природы и переводящий *трансчеловека* как *уже-не-совсем-человека* в качественно новое «состояние» при помощи конвергентных НБИК-технологий, т. е. нанотехнологий, биологии, информатики и когнитивных наук. На сайте Российского трансгуманистического общества дано определение термина «постчеловек», который был введен трансгуманистами

в 1999 г.: «Постчеловек (posthuman) — это человек, модифицированный с помощью новейших и будущих технологий до такой степени, что с современной общепринятой точки зрения уже не является человеком. Многие трансгуманисты хотят стать постлюдьми» [3]. Кардинальный поворот в новой онтологии постчеловека состоит в том, что Homo sapiens уже не рассматривается как вершина эволюции, человек теперь видится ступенькой в кардинально иной эволюции.

Адепты трансгуманизма открыто провозглашают, что «постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях» [3]. Перспектива стать постчеловеком рассматривается как закономерное следствие удешевления услуг, развития робототехники и роботизации, нанотехнологий и появления нанофабрик и наноассемблеров, а также «интеллектуального апгрейда каждого человека».

Современный американский философ, социолог и футуролог Френсис Фукуяма считает существенной угрозой, исходящую от современной биотехнологии, которая приведет нас к «постчеловеческой» фазе истории, и отмечает: «...природа человека существует, что это — осмысленное понятие, она обеспечивает устойчивую непрерывность нашего существования как вида. Именно она вместе с религией определяет наши фундаментальные ценности» [4, р. 7].

Между тем трансгуманизм сегодня широко шагает по планете, в том числе и в нашей стране. Помимо Российского трансгуманистического общества, российские трансгуманисты инициировали интернет-сообщества, такие как Партия продления жизни (*longevity party*). С 2011 г. функционирует стратегическое общественное движение «Россия 2045», пропагандирующее идеи трансгуманизма, проводятся форумы, дискуссии и конференции.

В предлагаемой эволюционной триаде «человек — трансчеловек — постчеловек» больший интерес представляет собственно постчеловек. Трансчеловек (*transhuman*) — это существо промежуточное, этапное, несущее в себе все родовые признаки «несовершенного» человека. Трансчеловек впервые был описан Ферейдуном М. Эсфендиари (1930–2000), футуристом и философом, работавшим под псевдонимом FM-2030, надеясь, что он сможет прожить 100 лет, чего не произошло, как мы видим из его дат жизни. Признаками трансчеловека FM-2030 назвал имплантационное улучшение тела, бесполость, искусственное размножение и «распределенную индивидуальность», т. е. распределение его сознания и личности в нескольких телах — биологическом и технологическом [5]. А вот постчеловек декларируется как радикальное превозможение идеи европоцентричного дискурса о «Совершенном Человеке» [6, с. 3], воплощенное в экспериментальной прото-модели грядущего Совершенного существа, но уже не просто человека, усовершенствованного электронными гаджетами и чипами, а другого, иного создания.

Главный вопрос, который можно задать трансгуманистам, лежит вовсе не в плоскости оценки реалистичности излишне оптимистичных прогнозов его адептов, а в глубине сущностных онтологических и экзистенциальных оснований человеческого или постчеловеческого бытия. Насколько уместно адресовать вопрос о сущности человека тому созданию-существу, которого называют сейчас постчеловеком? Ведь скрытый, и местами явный, смысл упований и ожиданий трансгуманистов — это надежда на расставание с несовершенной человеческой плотью, заменяемой на иные, более утонченные технические оболочки и носители информации, а также замещение «ущербной», исходя из трансгуманистской логики, человеческой экзистенции, неразрывно связанной с триадой «негативных» экзистенциалов — одиночества, смерти и страха.

За всеми восторженными обсуждениями «умной пыли» (*smart dust*), «утилитарного тумана» (*utility fog*) прослеживается скрытая эскапистская интенция убежать от экзистенциальной проблематики, что говорит о глубоком экзистенциальном кризисе в мировоззрении, философии и культуре. Мы исходим из понимания, что суть экзистенции — это «существование человека именно как человека во всей проблематичности, трагичности собственного бытия», «экзистенция — это неналичное, сущностно-несубстанциальное бытие человека в качестве его возможности (человек есть то, чем он может стать), выражение единственности, уникальности каждого человека и его судьбы. Это сфера подлинного бытия человеческой сущности, не данная мне, встреча бытия с сущим. Настоящее, подлинное существование есть существование в качестве экзистенции» [7, с. 16].

В рассуждениях трансгуманистов в два приема экзистенциальные основания человека «элиминируются» из мировоззренческой картины, а значит, из дискуссионного поля: смерть как био-социо-культур-философская тема вытесняется технологическими приемами — через описание «прелестных картинок» будущих пертурбаций, а затем человеческая тема редуцируется логически, в пользу абстрактного грядущего человека, ведь у постчеловека, который «выходит за пределы» собственно человека, не будет (так предполагается по умолчанию) собственно прежних человеческих экзистенциальных «вечных» смысложизненных проблем, в том числе самой главной из них — проблемы смерти.

Если заглянуть в онтологическое основание лежащих на поверхности дискуссии о трансгуманизме и постчеловеке противоречий биологических, социальных, то можно увидеть то, что «оцифровывание» человеческого мышления, совмещение его с дигитальным приводит к упрощению человека, как пишет Ф. Гиренок, к превращению в «числовой пробел мира». «Человек в дигитальной философии — это не органическое тело, не субъективность, которая в числовой мир не вписывается, а вычислительная машина и база данных» [8, с. 137].

Главная провозглашаемая цель трансгуманизма — технологическая победа над старением и формирование бессмертного постчеловека. Более того, трансгуманисты мечтают о возможности управлять смертью, предполагая, что смерть должна быть добровольной (отсюда следует признание эвтаназии), поэтому каждый постчеловек должен иметь возможность или пост-жить, или воспользоваться услугами крионики по сохранению своего тела. Некоторые трансгуманисты, опираясь на декларируемое грядущее совершенство, предпочитают называть себя не трансгуманистами, а трансчеловеками (*transhuman*) для размежевания с нелюдьми (*unhuman*). Не будем здесь, в силу ограниченности объемом статьи, развивать эту весьма благодатную тему трансформаций «нелюдей»-«нежити»-«*undead*», которую плодотворно развивают зарубежные и отечественные авторы — писатели, философы и представители других творческих профессий.

Авторы знаменитого «Кибернетического манифеста» Валентин Турчин и Клифф Джослин провозгласили, что «воля человека к бессмертию является естественным продолжением воли к жизни», и поскольку, по их мнению, массовый человек под влиянием критического мышления перестал верить обещаниям религии и культуры бессмертия и загробной жизни, то «успехи науки позволяют поднять знамя кибернетического бессмертия» [9, с. 357].

Трансгуманизм как имморталистское философско-мировоззренческое сциентистское учение ориентирован на переоценку прежних представлений о таких экзистенциалах, как жизнь и смерть, страх и одиночество под видом технократического перевооружения для некоего отдаленного подвига той самой «перековки молотом», к которой призывал Фридрих Ницше. Но, безусловно, правы исследователи, указывающие на фундаментальные различия в понимании этого процесса у немецкого мыслителя и у трансгуманистов, точнее, тех из них, которые считают себя преемниками

автора учения о «сверхчеловеке». Ницше мог бы вслед за Марксом воскликнуть: «Если это ницшеанцы, то я не Ницше», — тем более что такая ситуация уже возникала, к сожалению, в прошлом веке. Собственно, к такому выводу пришел и Майкл Хаускеллер [10, р. 5–8], сравнивший идеи Ф. Ницше и тезисы тех трансгуманистов (конкретно — Стефана Лоренца Зоргнера, автора статьи «Ницше, Сверхчеловек и Трансгуманизм» [11, р. 29–42], и Макса Мора в статье «Сверхчеловек в Трансчеловеке» [12, р. 1–4]), которые желают представить трансгуманистов новоявленными «сыновьями лейтенанта Шмидта».

Для Ницше отправной точкой его концепции Сверхчеловека было неизбежное желание преодолеть ослабление личности современного человека, «процесс выветривания личностей, приводящий к полной без-субъективности» [13, с. 4]. Возрождение Человека как Сверхчеловека у Ницше проявляется через наполнение телесности как формы индивидуальности субъектной силой. Ницше выступил одним из творцов постмодернистской телесноцентристской парадигмы, восходящей к дихотомии духа и тела платонистской и неоплатонистской традиции. Как пишет Л. Морева, «в постмодернистическом опыте телесность и ментальность как бы меняются местами: тело становится внутренним, а ментальность — внешним планом “считываемого” содержания. Телесность во всем спектре пространственно визуализированных метафор становится доминантой подлинности происходящего» [14]. Действительно, философия, по выражению философа П. Слотердайка, сегодня может быть только «философией во плоти» [15, с. 102].

Фридрих Ницше, осмысляя и мучительно проживая собственный телесно-духовный опыт разделения своего Я на множество двойников, надеялся на то, что эта множественность Я станет персонификацией идеальных, манифестируемых черт Я, которыми заселится новая топика грядущего Сверхчеловека. Телесно-чувственная и духовная практика самоутверждения сильного Я базируется у Ницше на сверхволевой инициации провозвестников грядущего ацентрированного символа целого, единого (т. е. Сверхчеловека) — двойников Я в без-центрированных пространствах: в феноменологической топике самого Я, в тексте, в культуре, в социуме. «Властное расщепление себя на множество Я позволяет, во-первых, бороться с одиночеством, страхом и смертью, претендуя на преодоление их негационных проявлений при помощи неистребимого числа своих двойников, таящих интенции к одиночеству как поли-сущности, “бессмертию”, “бесстрашию”; во-вторых, превратить прежде маргинальные трансценденции — одиночество, страх, смерть — в лично значимые, виталистски переключить их “минусы” на “плюсы”; в-третьих, по экзистенциальному наполнению это совпадает с властным волевым сжатием, нацеленным на преодоление болезни; в-четвертых, реализовать центральную идею (по убеждению самого Ницше) ницшевской философии — концепцию “вечного возвращения” как грядущего собирания, ре-комбинации самодостаточных двойников Я; в-пятых, проявить игровую сущность экс-центричного Я, которое, меняя личины, выглядывает то тут, то там...» [13, с. 20–21].

Проблема человеческой телесности, содержащая два неразрывных компонента — субъективность и смерть, не может быть решена в той форме, которая провозглашается трансгуманистами, поскольку она не сводится к механистической замене элементов человеческой плоти, а имманентно предполагает постановку вопросов о смысле жизни, сущности человека. Сама телесность несет в себе экзистенциальный сущностный модус, поскольку тело выступает орудием, платформой экзистирующей самости человека, интенцированного за пределы своей духовности — к пределам телесности, опытно, телесно коммуницирующего с миром, с людьми.

Поэтому манифестируемое трансгуманистами «избавление от телесности» по меньшей мере настораживает здравомыслящих представителей науки. Трансгуманизм разделяется на демократический, либертарианский, сурвиалистский, религиозный, экстропианизм и сингулярианизм [16, с. 136]. Общим для всех направлений внутри трансгуманизма является интенция к преодолению конечности человеческого бытия и достижению постчеловеческой (посторганической) формы существования.

Трансгуманизм более укоренен в популярной культуре, чем критический постгуманизм, особенно в научной фантастике как поп-постгуманизм кино и поп-культуры. В современной масскультуре образ постчеловека подается в образе киборга и подобных ему представителей машинно-гуманной «расы», рожденной в контексте научной фантастики киберпанка и нанопанка. Провозвестниками «машинного подхода» к природе постчеловека правомерно считать идеологов постгуманистической утопии — физика Фрэнка Типлера и робототехника Ханса Моравека, опубликовавших в 1947 и 1948 г. соответственно свои первые фантастическиеopusy на эту тему. К формированию этого дискурса также приложили руку постгуманистические мыслители Марвин Мински и Рэймонд Курцвейл. Последний получил популярность в том числе благодаря идее технологической сингулярности, к которой якобы идет человечество посредством поэтапного развития искусственного интеллекта (превосходящего человеческий) и киборгизации человека (т. е. превращения его в «машинно-белкового» постчеловека). Оставим за рамками статьи критику этой доктрины (к тому же идея singularity была известна ещё до Курцвейла и оформлена профессором математики и фантастом Вернором Винджем). Отметим лишь, что в своей книге «Эпоха духовных машин. Когда компьютеры превосходят человеческий интеллект» Курцвейл обосновывает приближающийся финал истории и человечества, которое преодолело свою биологию и, по его мнению, к 2099 г. будет представлять собой уже не столько машинно-гуманоидную «расу», сколько некое собрание бессмертных виртуальных симуляций [17]. Как субверсия в масскультуре может рассматриваться целая плеяда супергероев киноэкрана и комиксов, где приставка super, ставящая их выше Человека, обусловлена их химерной генетикой (Spiderman, Aquamen и др.).

Новой модификацией движения «по ту сторону человека» стал постгуманизм, о котором впервые заявил Ихаб Хассан в 1977 г. в работе «Прометей как перформер: по направлению к постгуманистической культуре?» [18].

Концепция постгуманизма оформилась в 90-х гг. XX в. в работах Д. Харауэй, К. Хэйлс, Р. Брайдотти, их общей чертой является тенденция к деантропологизации дискурса, однако без акцента на модификацию биологии человека. Франческа Феррандо в статье с емким названием «Постгуманизм, трансгуманизм, антигуманизм, метагуманизм и новый материализм: различия и отношения» уточняет, что постгуманизм «стал “зонтичным” термином для обозначения различных направлений и школ мысли, включая философский, культурный и критический постгуманизм; трансгуманизм (в его вариациях экстропианства, либерального и демократического трансгуманизма); феминистский подход новых материализмов; гетерогенный ландшафт антигуманизма, метагуманизма, метагуманизма и постгуманизма. Такое общее и всеобъемлющее использование этого термина привело к возникновению методологической и теоретической путаницы как между экспертами, так и между неэкспертами» [19, р. 26].

Причина путаницы заключается в том, что термин «постгуманизм» включает два направления, различающиеся отношением к антропоцентризму. Первое направление — онтологический постгуманизм — синонимично трансгуманизму, и в нём *Homo sapiens* как центр мира усиливает себя и свою субъективность с помощью технологий. Второе направление постгуманизма — критический постгуманизм — отвергает как тезис об уникальности, исключительности человека, так и человеческий инструментализм, лишая человека права на контроль за природным миром. Постгуманизм, размывая контуры и смыслы Антропоса, человека классического, под лозунгом расширения субъектности, защиты прав униженных и угнетенных социальных слоев, животных и других форм живого (а в будущем и неживого-но-ожившего) растворяет фундаментальные идеалы и иерархические структуры мировоззрения, философии и культуры, социальных традиций и устоев.

Постгуманизм, в отличие от классического гуманизма, возвращая человечество, как в известной игре, на несколько эволюционных ходов назад, лишает человека антропоцентрического господства над природой, животными, отвергает дискурс Просвещения и устремляется за границы традиционного философского понимания человека.

Вместе с тем образ постчеловека, при всей противоречивости многообразных толкований и версий, является предметом размышлений в традициях гуманистической науки и философии, литературы и культуры. Это иная точка зрения на природу того постчеловека, который «идет за Человеком», она не рассматривает его как машинно-белкового или химерно-генетического супермена. Эта позиция изложена, в частности, в ряде публикаций Яндекс.Дзен на канале *Luden Group: Projects X* [20]. Позиция эта, утверждающая иной образ и природу постчеловека, а именно как результат естественной эволюции и/или ароморфоза (т. е. прогрессивного скачкообразного эволюционного изменения, приводящего к общему повышению уровня организации организма), выросла в русле советской и российской фантастики в лице Аркадия и Бориса Стругацких и их последователей, с одной стороны, с другой — резонирует с известными мировой философией представлениями о «семи уровнях сознания»

(парафразы этих концепций мы находим и в концепции Ф. Ницше о «седьмом одиночестве» [13, с. 6–7], и в идеях психологов о семи контурах сознания).

В свою очередь, советская школа представлений о постчеловеке, именуемом, согласно терминологии Стругацких, «люденом» или «метагомом», т. е. буквально «за-человеком» [21], исходила из философских идей и утопий, сложившихся в европейской культуре и связанных с антропологическим понятием «Совершенный Человек» и понятием социальной философии «Совершенное Общество», которые неразрывно переплелись между собой [6, с. 3].

Постчеловек в формате «людена (метагома)», обладая «гиперчеловеческими» способностями, в отличие от западного *Posthuman*, не рассматривает *Homo sapiens* и наличного эмпирического человека в качестве помехи для своего развития. Кроме того, важно отметить, что рожденный на страницах советской фантастики «люден», по мнению ряда исследователей, уже обрел реальные черты, актуализировался. Так, известный российский футуролог Сергей Переслегин говорит о появлении новой и более совершенной «расы» внутри вида *Homo sapiens* как свершившемся факте [22]. Другие исследователи — Александр Денисов и Елена Денисова — в ряде работ раскрывают эмпирический статус существующего уже сегодня человека-уникала нового типа, не называя его ни люденом, ни постчеловеком, но корректно именуя специалистом «инновационного спецназа», или «пси-спецназа» [23], который, по их утверждению, способен «управлять, изменять и разрушать психические пространства других людей и живые объекты, включая экосистемы». Актуальный «гиперчеловек» («обладающий многослойным сознанием», в трактовке А. и Е. Денисовых) стал сегодня объектом новой дисциплины — психоинжиниринга, которая занимается целенаправленным манипулированием структурой психического пространства [24] и основывается на концепции многослойности сознания человека.

При этом модели, разработанные в психоинжиниринге, основаны на том, что оба вида сознания (индивидуальное и коллективное) объективны и существуют самостоятельно, являясь также физически измеримыми сущностями, подобно люденам в повести братьев Стругацких «Волны гасят ветер». Заметим, что «люден» Стругацких, как и субъект, претендующий (согласно работам Денисова и Денисовой) на лидерство в новом мире — мире VI техноуклада, обладает всеми атрибутами постчеловека в его некибернетической версии, что весьма близко к образу того «нового человека», который выходит на новые уровни сознания (многослойного) и реальности. В романе Сергея Смирнова «Дао Дзе Дун» [25] подробно описан подобный тип, но возникший как мутация и/или ароморфное изменение *Homo sapiens* в логике эволюции. То есть главное отличие двух основных версий постчеловека в том, что люден, по сравнению с постчеловеком, являет собой результат естественной эволюции и/или ароморфоза вида *Homo sapiens*, что вполне согласуется с теорией эволюции человека, где доминирует точка зрения, что вид *Homo sapiens* эволюционирует и сегодня представлен подвидом *Homo sapiens sapiens*.

Впрочем, истины ради, скажем, что и «машинно-белковый супермен» в некотором смысле есть продукт

эволюции, но уже технологической. По сути, он заканчивает спектр «технологического пакета» (термин С. Хатрова, С. Переслегина), начинающегося с робота и киборга (роботы в принципе продукт параллельных киборгам технологий). К этому «машинно-белковому» типу (киборгу) постчеловек примыкает как субъект со встроенными/выращенными органами (и чипами), дающими ему сверхпреимущество по сравнению с эмпирическим человеком, являя тем самым результат нано-био-когнитивных технологий. Чем может закончиться подобная техно-белковая и генно-модифицированная линии эволюции? Это подробно описано в 1971 г. Станиславом Лемом в повести «Путешествие двадцать первое» из цикла «Звездные дневники Йона Тихого». То, что именно этот путь как магистральный выбран трансгуманистами-«партнерами» по когнитивно-цифровому проекту будущего, не оставляет сомнений: Голливуд заполнил экраны киногероями с химерной генетикой, киборгами и прочими «железными человеками»... Но, помимо этого варианта, продвигается и образ некоего сверхчеловека, чьи сверх- или паранормальные способности (ясновидение, «восьмое чувство», телепортация и пр.) есть следствие уникальности «особого генотипа», мутации или симбиоза с коллективным разумом «мидихлориан» (мидихлорианы — микроскопические разумные формы жизни, обитавшие подобно органеллам клетки — митохондриям — внутри клеток живых существ, как в киносаге «Звездные войны») либо итог приобретенного в результате психотравмы/стресса «дара».

Как ранее отмечалось, остается за кадром насаждаемой повестки версия людена/метагома как результата либо эволюции, либо ароморфоза или же, что в целом не противоречит эволюционной версии, как результата выявления и настройки способностей тех, кто отличается от обычного человека такой психической особенностью, как наличие индивидуальной способности к генерации потоков классификаторов или картин видения мира, минуя информационные потоки и системы.

Ответ на вопрос о существовании Человека инога/зачеловека/постчеловека очевиден. Выход за пределы «слишком человеческого» возможен, но каковы границы и пределы, дары и последствия этого выхода?

Идеология постчеловечества указывает на несовершенство человека, показывая в то же время и несколько векторов совершенствования, но кто поручится, какой именно вектор реализует оптимистический сценарий будущего? У такого предлагаемого магистрального пути, как «киборгизация», есть весомые поводы для сомнения, поскольку в этом случае человек как «мера всех вещей» теряет свой онтологический статус, уступая последние свободы, завоеванные им за тысячелетия истории, под натиском цифровых технологий, технологий управления сознанием с помощью мемов и информационных вирусов.

Вариант постчеловека, именуемый люденом, обладающим способностью действовать не только в актуальном слое (листе) реальности/сознания, но и в других, представляется более привлекательным, хотя и фантастичным, как, впрочем, многие открытия прошлого и настоящего. Между тем пусть и парадоксально, но, по утверждению физика М. И. Штерен-

берга, «действия, связанные с жизнеобеспечением организма, в настоящем являются следствием причины, принадлежащей к будущему. В то же время сама последовательность их подчиняется ординарным физическим закономерностям. Таким образом, момент получения информации является центром симметрии, относительно которого меняются во времени причина и следствие...» [26, с. 76]. Традиция приходит из будущего, а не из прошлого?

1. Huxley J. Transhumanism // Huxley J. *New Bottles for New Wine*. London : Chatto & Windus, 1957. P. 13–17.

2. Huxley J. *Religion Without Revelation*. London : E. Benn, 1927. 392 p.

3. Постчеловечество // Российское трансгуманистическое движение : [сайт]. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/43/47> (дата обращения: 05.05.2020).

4. Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2002. XIII + 256 p.

5. FAQ по трансгуманизму // Российское трансгуманистическое движение : [сайт]. URL: <http://transhuman.ru/faq> (дата обращения: 05.05.2020).

6. Постчеловек и постчеловечество: Будущее цивилизации или её конец? (Круглый стол) / С. С. Хоружий, Л. Г. Фишман, Н. А. Комлева [и др.] // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та*. 2016. № 3. С. 1–75. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/757> (дата обращения: 05.05.2020).

7. Гагарин А. С. Феноменологическая топика: смысло-жизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН*. 2009. № 9. С. 7–26.

8. Гиренок Ф. И. Основные принципы дигитальной философии // *Философия хозяйства*. 2018. № 6. С. 133–139.

9. Турчин В. Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. 2-е изд. М. : ЭТС, 2000. 368 с.

10. Hauskeller M. Nietzsche, the Overhuman and the Posthuman : A Reply to Stefan Sorgner // *Journal of Evolution and Technology*. 2010. Vol. 21. Iss. 1. P. 5–8. URL: <http://jetpress.org/hauskeller.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

11. Sorgner S. L. Nietzsche, the overhuman, and transhumanism // *Journal of Evolution and Technology*. 2009. Vol. 20. Iss. 1. P. 29–42. URL: <https://jetpress.org/v20/sorgner.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

12. More M. The Overhuman in the Transhuman // *Journal of Evolution and Technology*. 2010. Vol. 21. Iss. 1. P. 1–4. URL: <http://jetpress.org/more.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

13. Гагарин А. С. Персей постклассической философии (Одиночество, страх и смерть в парадоксальной трансценденталистике Фридриха Ницше) // *Немецкая философия конца XIX века — первой половины XX века : моногр. / [А. С. Гагарин, В. И. Красиков, О. В. Никулина и др.] ; [отв. ред. Р. А. Бурханов]. — Екатеринбург, 2002. С. 3–23.*

14. Морева Л. М. Введение в «постмодернистическую ситуацию» и некоторые «выводы» из неё. Репетиция // *SILENTIUM: Язык и текст: онтология и рефлексия : материалы I Междунар. филос.-культурол. чтений (Санкт-Петербург, 17–21 авг. 1992 г.) / гл. ред. Л. Морева. СПб. :*

Эйдос, 1992. С. 332–343. URL: http://www.spbric.org/index.php?action=pub_sil_3 (дата обращения: 05.05.2020).

15. Слотердаик П. Критика цинического разума. М.; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.

16. Криман А. И. Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // Философские науки. 2019. Т. 62, № 4. С. 132–147.

17. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. New York; London et al.: Penguin Books, 2000. 400 p.

18. Hassan I. Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture? // The Georgia Review. 1977. Vol. 31, № 4. P. 830–850.

19. Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations // Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts. 2013. Vol. 8, № 2. P. 26–32.

20. Новопашин С. А. Постчеловек VS постчеловек // Яндекс.Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d399a85182b5800c5fe3bb9/postchelovek-vs-postchelovek-5d442aa097216d00ad698f0b> (дата обращения: 05.05.2020).

21. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Волны гасят ветер // Знание — сила. 1985. № 6–12; 1986. № 1, 3.

22. Переслегин С. Б. «Кто хозяином здесь? Напоил бы вином...» О гипотезе люденов, или О технологии образования. 2000–2002 // Имперский Генеральный штаб: [сайт]. URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Who.htm (дата обращения: 05.05.2020).

23. Денисов А. А., Денисова Е. В. Конструирование абстрактных сознаний. Часть 1 // Информационные войны. 2013. № 1. С. 64–71.

24. Денисов А. А., Денисова Е. В. Конструирование абстрактных сознаний. Часть 2 // Информационные войны. 2013. № 4. С. 33–50.

25. Смирнов С. Дао Дзе Дун. М.: Астрель: АСТ: Полиграфиздат, 2010. 352 с.

26. Штеренберг М. И. Жизнь и время // Современная картина мира. Вып. II. Формирование новой парадигмы: сб. М.: Новый век, 2001. С. 70–96.

© Гагарин А. С., Новопашин С. А., 2020

УДК 179.1

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-27-14-17

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРГУМЕНТАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению этических аспектов аргументационной деятельности в условиях современной массовой культуры. Основной целью исследования является обоснование необходимости этической составляющей аргументации. Исследуя формы публичной аргументации, представленные современными массмедиа, автор статьи приходит к выводу о том, что проявляющееся в них отступление от этических норм не только ведет к разрушению аргументации, но и свидетельствует о моральных деформациях сознания.

Ключевые слова: аргументация, спор, эристика, общественный диалог, псевдоаргументация, легитимация морально искаженного сознания.

Аргументация как социокультурный феномен имеет давнюю историю. Можно отнести этот вид рациональной, речевой деятельности, целью которой является доказательство и убеждение, к антропологическим и социокультурным константам. Аргументация лежит в основе всех коммуникативных процессов, носящих цивилизованный характер. Исследователи отмечают присутствие различных форм аргументационной деятельности в недрах древнейших цивилизаций как Запада, так и Востока.

Её классической формой по праву считается аргументационная культура, сложившаяся в Древней Греции в результате деятельности известных софистов и философов.

ETHIC ASPECTS OF ARGUMENTATION

The article is devoted to the ethic aspects of argumentation activity in the field of modern mass culture. The main target of the research is a support of ethic component of argumentation necessity. Researching public argumentation forms presented in modern mass media, the author of the article concludes that the derogation from the ethic standards not only leads to argumentation destruction, but also shows moral deformations of consciousness.

Keywords: argumentation, disputation, eristic, public dialogue, pseudo argumentation, legitimation of moral destructed consciousness.

В центре этой культуры находится спор, который, будучи частным случаем аргументации, представляет её в наиболее концентрированной и острой форме. О высоком социальном статусе спора в демократическом греческом обществе свидетельствуют факты его обязательного присутствия при решении важнейших социальных проблем в сфере политики, в судебной практике, а также в области морали. Спор как вид аргументационной деятельности стал предметом особой науки, вобравшей в себя элементы искусства, — эристики. В рамках эристики разработаны методы, процедуры, рекомендации, с помощью которых было возможно достижение не только истины, но и справедливости.